

Андреа Ромоли - журналист итальянского телеканала RAI, летом 2022 года был командирован каналом Tg2 в Украину. Капитан резерва итальянской армии, Андреа Ромоли участвовал в миссиях в Ираке, Афганистане, Боснии, Ливии, Косово и Албании в качестве служащего Сил Специальных Операций.

Победитель премии Acqui Storia 2023 года и литературной премии Джованни Гуарески. Его книги, опубликованные в издательстве Caspari: Право говорить. Книга, главной героиней которой является Паола Дел Дин - женщина на первой линии сопротивления времен холодной войны. Последний свидетель. Истори о секретном агенте Серджио Чончи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАСПАРИ

59

Андреа Ромоли

Солдат Зэт

Летом 2022 года во время работы в Украине в качестве приглашенного журналиста, я побывал в Национальном музее Киева, на выставке, посвященной драматической осаде столицы, которая только что закончилась. В одной из витрин я заметил тетрадь, исписанную тонким почерком на кириллице: это был дневник молодого солдата постоянной армии захватчиков, найденного украинскими солдатами на месте брошенной стоянки русских войск. Дирекция музея любезно предоставила мне возможность изучить электронную копию дневника. Он был написан незадолго до контрнаступления украинских войск освободивших Киев. На его страницах не было указания на настоящую личность автора: ни на часть, в которой он воевал, ни на его этническое или географическое происхождение. Только данное при крещении имя было указано на страницах с описанием военных, тяжелых, а может и последних дней жизни молодого человека. Не было указано имени ни одного его сослуживца, единственный, кто упоминается в дневнике, это “Капитан”- командир автора дневника, фигура совершенно ему противоположная, но в тоже самое время точка опоры, своего рода крестный отец. Человек, на которого равняешься, с которым споришь и ругаешься. И, несмотря на то, что описанные в дневнике места, ситуации и события совершенно отличались от моего военного опыта в качестве офицера резервной армии в Косово, Ираке и Афганистане, в процессе чтения я пережил те же самые эмоции, которые преследовали меня все военные дни. Я вдруг осознал, что почти инстинктивно веду безмолвный диалог между мной и этим солдатом, о котором ничего не знал, но чувствовал его так близко. Я представил себя его командиром, заваливал его вопросами, своими сомнениями и опытом, заполнял пустые места в повествовании, находил нужные слова, необходимые для защиты идентификации личности автора. Эмоции, которые я никогда по собственной воле не желал прочувствовать в полной мере, но которые, благодаря “встрече” с солдатом из дневника, впервые в жизни воплотились в слова. В этом путешествии меня сопровождают

великолепные фотографии Карины Бикбулатовой, молодой, признанной русской фотохудожницы, которая уехала из России в первые дни войны. Ее фотографии олицетворяли солдата - автора дневника, придали форму его кошмарам, страхам, духовному ужасу, который он переживает. Получился рассказ из слов и образов, который, несмотря на явное различие с сухим повествованием оригинала, уважительно передает - я в это верю - душевное настроение автора. Крошечный, значимый надрез духовного и физического рождения целого поколения, которое, чем бы все это не закончилось, вернется с этой войны неизлечимо пораженным.

Андреа Ромоли

День первый

*Чем занимаешься, солдат Константин, с тетрадкой и ручкой в руке? Ты знаешь, что **Он** не любит, когда мы пишем, потому что тот, кто пишет - думает, а кто думает, тот хорошо не воюет.*

Так точно, товарищ капитан, записываю в дневник все, что со мной происходит, хотя каждая строчка мне кажется бредом сумасшедшего. Кто бы мне поверил, если бы я рассказал, что уснул в одном поезде, который вез меня на учения, а проснулся на войне? Как могу описать весь ужас, на который мы способны? Мы были солдатами, а превратились в армию бешенных псов, которые убивают чтобы выжить.

Конечно, долгий путь из казармы через горы Улан Уде...Кто бы мог представить, что мы увидим мир всего то лишь выглядывая из окна военного поезда? Сибирские равнины, тайга с деревьями такими высокими, что если взобраться на них, попадешь прямо на небо; московский вокзал как царский дворец. А потом Белоруссия, ночи, проведенные в Минске под полковую водку с девками, которые целовали нас так, как будто на самом деле любили. И сейчас в этой стране, где кажется все создано из молока и меда, и которую мы утопили в крови. Я правда не знаю хорошая эта история или плохая, но думаю, стоит ее послушать.

Я просто солдат, никто не хочет слушать солдата: в дни войны мы говорим о том, чего было бы лучше не знать, и о том, что в мирное время все хотят забыть. Где Нацисты, против которых нас послали сражаться? Если это народ, который мы пришли спасти, почему обочины дорог, по которым мы идем, усыпаны их солдатами, которые идут на убой, лишь бы не оставить нам ни одного метра?

Когда в руке у тебя ружье, лучше не задавать слишком много вопросов, солдат Константин, эта игра может дорого тебе обойтись. Солдат должен сражаться, а не думать, потому что враг враг точно тебя

убьет безо всякого повода. Когда вернемся домой, спросишь у твоего Бога ответы на все вопросы, он не сможет тебе отказать, потому что этот ад происходит с его разрешения, и он должен ответить! Задай вопросы Богу, может он повернется к тебе другой стороной, красной от стыда, но хотя бы не отправит тебя гнить в тюрьме в Сибири за то, что ты их задал.

День второй

Боишься, солдат? Поверь мне, я тоже, я бы боялся меньше, если бы мог разделить страх с тобой. Снаружи ночь и враг, и я отправил парней туда, как отец отправляет своих детей в непогоду. Если они не вернуться, моя душа будет проклята за каждый день, который я опять проведу на этой земле.

Так точно, товарищ капитан. Говорят, что школа, в которой мы ночуем станет пунктом сбора для следующей атаки. Говорят там, впереди, в 20 километрах от нас, Киев, и мы возьмем его на следующей неделе. Говорят, что все готово к финальной битве, но здесь ничего не работает: пули разрываются пока мы из заряжаем в патрон, дроны не могут снизить высоту, а когда опускаются, не сообщаются друг с другом, поэтому артиллерия стреляет наугад. Говорят, наше дело правое, победа будет за нами. Но что есть правда? Войти в страну, которая не является нашей и убить ее людей...

Не знаю с какой стороны добро, а с какой зло, солдат Константин, но знаю, что у нас есть право выжить этой ночью, давай-ка сожми покрепче свое ружье и помолись, чтобы у тебя еще остались дни жизни, чтобы найти ответы на все твои вопросы. Слышишь, снаружи вертолеты медицинской эвакуации все никак не улетают? До сих пор в нашей операции не было потерь. Но так всегда везти не может. О первом и третьем взводе ничего неизвестно, они не вернулись с разведки. Там были солдаты мусульманы, христиане, буддисты. Перед тем, как уйти на задание, я приказал им просить прощения каждый у своего Бога за все зло, которое они должны совершить, если, конечно, они собираются вернуться домой.

Говорят, чистый сердцем и твердой веры человек может просить отпущения грехов, даже если он не священник, в молитве призывая чудотворную божественную милость оградить от близкой опасности. Этой ночью, Капитан, я узнал таинство прощения, когда сжимал руку своему товарищу. И я молил Бога со слезами на глазах: Прошу, спаси от этой войны раба твоего Константина, твоего солдата, твое дитя.

День третий

*Какую большую правду скрывают книги, которые ты читаешь, солдат Константин? Секретная формула золота, а может сотое имя Бога или чертова причина, по которой нас отправили сюда? Ты должен бы знать, что **Он** не хочет, чтобы мы читали, потому что в книгах есть ответы на вопросы, которые не следует задавать.*

Так точно, товарищ капитан, читаю журналы школы, в которой мы разместились. Написано, что деревня подвергалась бомбардировкам много раз, и что все ученики должны были покинуть классы. С трудом принимаю факт того, что я чужак в стране, которую занял, и до сих пор не разобрался, хорошие или плохие причины, по которым я оказался здесь. Тем не менее понимаю, что это не война для защиты нашего населения, но воля элиты, которая от нас так же далеко, как звездное небо. Мы просто детали в этой бесконечной игре, и мы умираем, не чтобы помочь бедным, а в интересах олигархов, которые сидят во дворцах Москвы или Санкт Петербурга. Мы здесь не для защиты нашей Родины и русской культуры, но за деньги, за кучу грязных чужих денег.

Я участвовал во многих войнах, Константин и никогда не думал, что мое участие может принести пользу тем, кто ждет меня дома. Я брал на руки на руки дочь, клал ее в кровать и отправлялся на фронт. Возвращался и видел, что она уже начала ходить и плакать каждый раз, когда я к ней приближался. Точно я не воевал за мою дочь, ни за мою мать, которая умерла, когда я был за десятки тысяч километров от

нее. Я не воевал за своих солдат, которые умирали в пустыне, название которой мы даже не знали, но за приказы, которые мне отдавали. Я стал солдатом, потому что не умел делать ничего другого. Сегодня я воюю чтобы вернуться домой, не задавая много вопросов, потому что война - это болезнь, в которой ты должен выжить не вдаваясь в причины.

Но ведь и они солдаты, Капитан, и они тоже воюют, чтобы сохранить свои жизни. В этих журналах сотни фотографий подростков, почти везде они улыбаются, их истории, их школьные задания и оценки. У меня разрывается сердце от одной мысли, что теперь эти подростки - солдаты в лесу, который нас окружает, и они ждут чтобы убить нас...и у них есть своя правда. Не лучше и не хуже нашей.

Четвертый день

Чтоб тебя, солдат, пиши лучше чертовы рапорты. Сегодня наши вошли в деревню, в рапорте о которой ты указал отсутствие опасности, а они под ракетный обстрел попали!

Что вы хотите, чтобы я писал, товарищ Капитан? Здесь все хотят нас прикончить, даже дети и сестры в церкви стреляли бы, если бы могли. Мы враги для людей, которых мы, как нам сказали, освобождаем. Я уверен, что когда мы вернемся, никто нам спасибо не скажет за то, что мы сделали. Как бы эта война не закончилась, наше участие в ней помечено клеймом навсегда. Кто бы ни выиграл, мы уже проиграли.

Рот закрой, солдат, я тебе уже говорил, что о некоторых вещах лучше не думать даже здесь. Правда твоя, русские солдаты тысячами мрут в грязных траншеях этой гребанной страны, а тот, кто греется в теплых стенах Кремля не ждет от нас поражения, уж тем более не собирается объяснять нам причины этого решения. Тебя послали за победой, не за правдой.

За победой? **Ему** почти 70 лет, товарищ Капитан, и, если **он** умрет, получается, что все напрасно. А что касается правды, никто лучше меня не знает, как бессмысленно и опасно ее искать. Наша страна развалится на

части, сомневаюсь, что есть кто-то, кто заставит нас смотреть правде в глаза. Мы, русские, к ней не привыкли. В каждом рапорте, который я читаю, написано: Разведка произвела анализ данных, цель можно атаковать, и на основании этого рапорта мы забрасываем бомбами деревню, отнимаем жизни нам подобных. А кто проверял данные, на основании которых был написан рапорт? Никто, и проверять не входит ни в чьи интересы! Нет никаких доказательств, что информация, согласно которой мы действуем, верная, и не существует ни одного подтверждения, что враг находится именно там, куда мы сбрасываем бомбы. Живем во лжи и за ложь убиваем. Когда мы сюда прибыли, у нас забрали мобилы, чтобы не дать позвонить нашим семьям. В начале меня это разозлило. Сейчас думаю, так лучше, нам все равно кроме лжи рассказывать нечего.

*Как сказал твой любимый Достоевский? “Главное, самому себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает.”
Молись своему Богу, солдат, это спасет твою жизнь, и будь честным с собой, это спасет твою душу.*

Возможно моя часть вернется с этой войны, товарищ Капитан. Возможно, что душа моя - нет. Потерянная под этим дождем, она больше никогда не найдет покоя.

Пятый день

Злишься, солдат Константин? На что жалуешься? Видел, еще одна ночь на войне прошла, а ты все еще пишешь свой дневник. Будущее солдата заключается в траектории полета пули, выпущенной из ружья. И если ты все еще жив, значит тебе у судьбы просить нечего.

Так точно, товарищ Капитан. Я злой, очень злой. Я в бешенстве от того, что никто не говорит правды, что на самом деле происходит на этой войне, о наших потерях, о гражданских, убитых по ошибке, глупости или жестокости. Все, что пишут в официальных источниках, о чем говорят по телевизору, это то, что дело наше правое, и победа неизбежна. Рассказывают о вымышленных боях, таких непохожих на тот ужас, который мы здесь

переживаем каждый день. Хотели чистой и быстрой специальной военной операции, а получили затяжную резню. Мы ошибались, мы все неправильно поняли. Уверен, что история даст название нашим действиям - "второй нацизм", нас ждет Нюрнбергский процесс. Разрешите обратиться, товарищ Капитан: если однажды меня призовут на скамью подсудимых, я без сомнений признаю свою вину. Потому что виноват! Даже если сожалею о том, как все повернулось и обо всех несчастьях, которые меня окружают, я этому сообщник. И за что я воевал, за что вымарал свою душу? За деньги других, за интересы богатых дяденек и тетенок.

Не жалуйся, солдат, пока ты сидишь в тепле, изучаешь документы, находишься под командованием полковой разведывательной группы, твоих товарищей разрывает на куски Джавелин. Единственная правда, которую ты должен раскрыть, так это местоположение на карте, где прячутся эти подонки.

Так точно, наши парни еще не вернулись с задания, а я трачу время на работу с документами. Бесплезная бумага, в ней содержится всего лишь часть реального положения. Пользы от нее - только новые вопросы, от которых разрывается голова. Я ищу глубокий смысл в том, что происходит, а нахожу детали. Глупые, бесполезные детали, которые никак не связываются друг с другом. ФСБ говорит, что мы ведем разведывательные действия, но какая разведка копается в деталях, упуская из вида единое целое.

Я тебе скажу один секрет, солдат Константин: не рознание тайн вселенной поможет тебе выжить в бою, а добротная яма в земле, в которой ты можешь спрятаться от проливного огня противника. И в бою тебя убьет не дух войны, но одна маленькая выпущенная снайпером пуля, поджидавшая мишень - тебя. Следовательно, если обнаружишь снайпера раньше, чем он увидит тебя, стреляй первым, тогда, в этот день ты спасешь свою шкуру. Вывод: если хочешь вернуться домой, переживай о том, как обнаружить место, где прячется этот ссукин сын, а не о смысле жизни.

У нас нет ничего: ни объемного знания, ни крошечных деталей! Здесь никто ничего не знает и не понимает того, что происходит. У нас нет ни достоверной информации по радио, ни средств связи с вышестоящим руководством, и даже между нашими подразделениями невозможно

установить связь. Командование не получает достоверных сведений от московских генералов, потому что разведка умалчивает настоящее положение дел на линии фронта, чтобы скрыть ошибки и поражения. В новостях по телевизору тоже нет правды, в них рассказывают о несуществующей войне. Политики и генералы врут народу по схеме единого образца. Мы отравлены откровенной ложью, и мы же первые ее распространяем. Мне говорили, что война сделает меня крепким, бесчувственным. Но уполучилось наоборот, меня как ртуть в термометре, толкает жар познания истины. Думаю, что эта война как раз и есть попытка скрыть, закопать правду под горой из гниющих трупов. Принять это страшно и больно, и мне нужно время, чтобы осознать, в какой кошмар толкают нас наши ошибки и рассуждения. И только одно я понял, и в чем я абсолютно уверен: когда я вернусь домой, наградой мне не станет слава победителя, но приговор, а может и тюремная камера за все то, что я свершил или позволил свершиться.

Шестой день

Иногда мне кажется, что ты слишком серьезно меня воспринимаешь, солдат Константин. Я не твой духовный наставник, где тот путь, который ведет к правде - не ведаю. Я офицер бронированной пехоты, и, если у меня получится найти тот путь, который не приведет тебя на минное поле, это уже хорошо. Еще тебе скажу, у меня нет никакого желания разбираться в том, является ли ошибкой эта война или истиной. Мы уже в ней участвуем, при любом раскладе, все это мерзость.

Товарищ капитан, разрешите вопрос? Вы всегда считали себя хорошим коммунистом, и к форме у вас пришта красная звезда, та, которую носил ваш отец на афганке во время обороны перевала Саланг. Вы не верите в Бога, не признаете ни церкви, ни религии, тем не менее, вы всегда просите нас молиться перед боем и просить прощения за грехи наши. Вы больше похожи на последователя Христа, чем на атеиста.

Я хороший коммунист, потому что отец мой был хорошим человеком и он был коммунистом. Не знаю, есть ли Бог, но я бы сделал что угодно, лишь бы спасти моих солдат из этой мясорубки, и молился бы, вверил бы их жизни под защиту его, даже если Бога нет. И я абсолютно уверен, что на Святой Русской Земле Маркс и Ленин были намного ближе к человеческому Богу, чем все вместе взятые попы, обернутые в золото, окуренные ладаном, благословляющие наших солдат на живодерню.

Очень больно понимать, что наш патриарх Кирилл не произнес ни единого слова против этой войны, тогда как папа Римский несколько раз воззвал к преремирию и восстановлению мира между воюющими народами. Патриарх Московский повел себя как какой-то бизнес менеджер, его молчание знак трусости и личных интересов. Презренна работа глашатаев режима, нас повесят в наших же церквях за то, что мы натворили. И, поверьте, товарищ Капитан, будут правы.

Никогда я не преклонялся ни перед одним алтарем, солдат Константин, и я не взвалю на себя вину за тех, кого называют “божьими людьми”. За свои грехи я попаду в ад, и, поверь, как солдат я их совершил немало, чтобы вечно гореть в преисподней. Думаю, если бы мы отобрали у церкви все богатство, все земли и церкви, которыми она владеет, мы бы порядком очистили бы землю от скверны.

В России и так очень много власти сконцентрировано в очень малом количестве рук. Уверен, Он был бы счастлив услышать ваши слова, товарищ Капитан. Забрать у церкви все, чем она владеет, лишит ее экономической силы, значит уничтожить ее. Потому что, нравится вам или нет, для того, чтобы быть услышанным, нужен сильный голос. Правда ваша, сегодня голосу добра и справедливости не хватает храбрости, чтобы с алтаря прозвучало осуждение злу. Давайте помолимся Богу, чтобы он ниспослал на нас честных и умных, тех, кто найдет в себе храбрость говорить. Но не закроем наши церкви, в прошлые времена уже пробовали переделать их в зернохранилища, тогда не осталось пищи ни для души, ни для тела.

Седьмой день

Хорошая работа в этот раз, солдат Константин! Твой рапорт хорошо написан, ты лучше разобрался в этом мерзком хаосе, чем все эти балбесы в разведке. Может, если бы они отправили тебя составлять карты прежде, чем вводить войска, мы бы сейчас сидели в теплых казармах, а не подыхали бы под ледяным дождем в чужой стране.

Так точно, товарищ Капитан! Даже если мои рапорты написаны хорошо, их здесь никто не читает. Работаю как вол, но часто у меня возникает ощущение, что никому неинтересны мои заключения. Последние три дня все идет по плану. Нашей артиллерии удалось поразить все цели с высокой точностью попадания, в то время как противник не поразил ни одной нашей стратегической позиции.

Но все это произошло по чистой случайности, кажется, что архангел Гавриил держал ладошку на наших головах. Командованию наплевать, что на самом деле происходит вокруг нас. Бросая нас разрушать и уничтожать, они как будто нашей кровью смывают свои ошибки и глупые решения.

Может я и глупый, солдат Константин, но я твой командир, и ты знаешь, что на моих руках нет крови невинных. Я тоже вижу, что творят другие, по-твоему, что я должен сделать, подать на них в суд? Да меня сразу пристрелят в каком -нибудь свинарнике, и все останется как было. Это - война, даже если она идет не по моим правилам, точно не я стану тем, кто изменит ход событий. Я окажусь счастливым, если вернусь живой к жене и детям. Так что равняйся, смиренно, приступай к своим обязанностям, потому что каждая верно написанная тобой фраза спасает жизнь одному из нас.

С божьей помощью и помощью моих сослуживцев за два дня я заполнил протоколы допросов 12ти человек.

Перед тем, как начать, кэпбэшники сказали, что все пленные были военными неонацистами, "отбросы", так мне сказали. Но передо мной стояли всего лишь 12 несчастных христиан, застывших от холода, ужаса и пыток, поверьте, товарищ Капитан, по отношению к ним я почувствовал только жалость и человеческое сострадание. Да, я видел татуировки в виде свастики на их плечах, и такие же символы на их униформе, но я не смог почувствовать ненависть по отношению к ним, потому что думал, повернись

наоборот, я сам мог бы оказаться на их месте, избитый, в синяках, на холодном полу камеры в ожидании допроса.

Как бы то ни было, я сделал свою работу профессионально и тщательно. Я выжимал их часами. Допросы ночные и дневные, перекрестные допросы и групповые. Я не уверен, что они выдали мне все, что знали, но уверяю вас, товарищ Капитан, они много мне рассказали. Так и продолжу, несмотря на то, что сложно отвязаться от скользкого ощущения причастности к неправо́й стороне.

Поскольку я до сих пор так и не понял, где правда, не думаю, что 12 несчастных доходяг в крови и грязи смогут сказать мне что-нибудь полезное.

Я уже тебе говорил и больше повторять не буду, что продолжать задавать себе подобные вопросы может довести тебя до места очень далекого от того, куда бы ты хотел вернуться. Прямиком в Сибирь, например, или на дно колодца, в котором ты окажешься с перерезанным по-кадыровски горлом. Мы солдаты, Константин, не судьи и не священники. Мы не должны нагружать излишней ответственностью ни действия, ни души людей, выполняющих свой долг перед Родиной. Нам бы жизни свои спасти из этого кошмара.

В дни забот и тревог, я обращаюсь только в вам, товарищ Капитан, потому что вы непохожи на всех остальных, и даже если не разделяете моего мнения, знаю, что хотя бы стараетесь понять, почему я так думаю. Никому другому неведомо, через какую боль проходит мое сердце.

Вчера кэ́гэбэшники похвалили мой метод ведения допросов и с какой точностью я их провожу. Они даже не заметили мои трясущиеся руки в тот момент, когда поросили меня вести допрос священника из местной церкви. Ведь он не солдат, а служитель Бога, все детство меня учили уважать праведных, тех, кто посвятил жизнь ближнему своему.

Его допрос я провел так же, как и остальных. Жестокий и прямолинейный, я стал Поводырем дел неправедных и понимал, что всякий раз, когда я смотрел ему в глаза, он понимал, как стыдно мне было.

Завтра мы допросим епископа. И если он попробует хоть что-нибудь скрыть, я обязательно об этом узнаю, если он попытается обмануть меня, я буду хитрее.

Как говорят у нас в деревне: Я на вранье собаку съел. Но придет ночь и я останусь наедине с собой, наедине со своими вопросами и чувством вины. И поэтому ничто из того, что я услышу не поможет мне и не даст ответа на мои вопросы. Только это имеет для меня значение.

Восьмой день

Как прошел допрос епископа? Он указал тебе путь в рай или, может, своими проклятьями отправил тебя в ад? А, солдат Константин?

Все бесполезно, и, если честно, я думал, что информации будет даже меньше. А что вы ожидали от Божьего человека? Что знает координаты местоположения танковых истребителей, тех, которые уничтожают наши войска? Священники спасают души людей, а не помогают людям уничтожать друг друга.

Только не преуменьшай роль церковной своры, они - воронье, кружащее над болью и несчастьем. Я больше чем уверен, что если бы мы его отпустили, он тут же побежал бы рассказывать, где мы, сколько нас и что здесь делаем. Ты должен был его еще раз допросить, может быть более настойчиво: пара хороших ударов могли бы помочь развязать его язык побыстрее.

Вы думайте, что мы не были достаточно жестоки по отношению к жителям этой деревни, товарищ Капитан? Думаете недостаточно пролито слез над тем, что мы натворили? А помните, товарищ Капитан, фразу из Рязанова: Человек, как никто из живых существ любит создавать себе трудности? Только сейчас понимаю, насколько верны его слова, и, поверьте, мне стыдно быть частью всего этого.

Нравится , не нравится, а работа солдата заключается в том, чтобы убивать себе равных во имя собственного спасения. Единственная разница между нами и убийцами в том, что мы не отвечаем за пролитую кровь, потому что не мы выбрали быть здесь. И только это

не позволяет нам сойти с ума от того, что видим здесь и что здесь вынуждены делать. Перед судом должны предстать политики, и на их совести, если таковая имеется, наши преступления, которые они нас заставляют совершать.

Никто нас не заставляет ничего делать, товарищ Капитан. В боевых планах у нас не написано стрелять по домам и убивать невинных мирных жителей, тем не менее, мы делаем это ежедневно. Вокруг себя я вижу лица, на которых написано удовольствие от боли, причиненной другим людям. Я их боюсь, товарищ капитан, даже если на них одета та же форма, что и на мне, даже если они мои сослуживцы, я боюсь их больше, чем врагов! Боюсь, что они поймут, что я не такой, как все, что я ненавижу их. Боюсь, что однажды из-за этого они прирежут меня. Но еще больше боюсь стать одним из них и почувствовать нечеловеческое удовольствие от убийства. Поэтому я каждый день обещаю сам себе, что когда настанет момент, я расскажу все, что здесь происходит, смою грязь чистой водой правды, грязь с их грешных душ. Я могу даже представить свою смерть на этой войне, Капитан, только чтобы не чувствовать стыд, за то, чем я стал, чтобы выжить.

Девятый день

Ты когда-нибудь думал, чем займешься, когда вернешься домой, солдат Константин? Когда закончится война, думал ли ты продолжить службу в регулярных войсках или уйти на гражданку? Может, на кое-какие сбережения за работу здесь, ты хотел бы открыть свое дело, магазин в твоей деревне, найти хорошенькую девушку, которая согласилась бы выйти за тебя замуж?

Вчера коллеги из КГБ хвалили меня и предложили протекцию в их академии, если я захочу, могу стать офицером разведки. Я всегда был последний в классе и возможность стать силовиком изменит мою жизнь, я стану важным человеком. Тем, кого уважают.

Не могу дать тебе совет не принимать их предложение, но на твоём бы месте, я бы отказался. Я солдат, такой же как ты, Константин, а не шпион. Ношу форму с нашивками, не прячусь, и любой, кто посмотрит мне в глаза, знает, с кем имеет дело. Мой враг - враг моей Родины, а не мирные протестующие граждане, и не солдаты, проклинаящие генералов. Конечно, зарплата у них хорошая, но зачем она мне, если я должен жить как снайпер в тени. Я буду воевать, и, если придется, умру как солдат, рядом с моими бойцами, и увижу луч солнца прежде, чем уйду в мир иной.

Не беспокойтесь, товарищ Капитан, я уже решил. Те немногие деньги, которые я здесь заработал, истрочу на продолжение учебы в юридическом. Я бы хотел стать частью юридической системы, стать защитником тех, кому нужна поддержка.

Греки верили в правосудие богини Темис или Фемиды, которая помогала возместить ущерб, причиненный праведным людям от людей нечестивых. Мне хочется закончить магистратуру, знаю, это звучит наивно, но я хочу продолжить дело Фемиды, а не наживаться на правосудии, как делают многие судьи у нас на родине.

Мы должны начать процесс глубокого преобразования российского общества, и для этого уничтожить юридический нигилизм при котором люди не верят ни в справедливость, ни в правду, которой можно добиться в зале суда. Надеюсь, однажды у меня будет возможность повлиять на правовой процесс. Верю, что только так Россия станет лучше.

Наша Родина нуждается в хороших законниках больше, чем в хороших солдатах.

Константин, может однажды ты и станешь судьей, но сейчас ты солдат, так уж постарайся думать как солдат. Думаешь, я не вижу, что происходит у нас в стране, не вижу, насколько коррумпированы политики, которые посылают нас на смерть? Если проиграем эту войну, лучше не станет, наша Родина останется в руках врагов, которые поставят ее на колени и растерзают на куски. Давай выиграем ее, а потом вернемся домой и наведем порядок там. Прежде всего мы служим нашему народу, кто бы им не правил. Судьи, адвокаты, следователи и прокуроры тоже служат нашему народу, и должны следовать букве существующих законов, а не выдумывать свои.

В последние годы наша система законов претерпела много изменений в угоду **Его** жажды власти. Кажется, что бумага, на которых они пишутся, может стерпеть любую ерунду, какая взбредет **Ему** в голову.

Коррупцированное, неэффективное законодательство способствует росту преступности в обществе. Оправдательные приговоры в судах всей страны составляют 1%, потому что легко осудить даже невиновного человека, вместо того, чтобы добиваться правды. Только если ты политик или олигарх, твое дело будет рассмотрено судом со всем вниманием и справедливостью. Паросудия заслуживают все, а не только те, кто может себе позволить купить его.

Да в любой стране, куда не поедешь, богатым и облеченным властью выстлана гладкая дорога, почитай книги по истории. Мы, солдаты, воюем, чтобы наша Родина стала еще сильнее, и, да, правда, что в стране победителей первыми, кто обогатится будут олигархи, но так же правда, что и бедным перепадет немного больше хлеба с маслом на стол.

Товарищ Капитан, мы верим в идею Великой России и даже мысли не допускаем, что однажды она может пасть. Поверьте, если мы не поменяем курс, в скором времени все это превратится в руины. Страна, в которой законами затыкают рот простым людям, требующим свобод, в которой коррупция разъедает фундаментальные основы общества, не может стать процветающей. Наши суды не оставляют надежды людям, которые ищут защиты и правды, законодательство работает во благо амбиций власть имущих. Я сейчас на войне, вернусь ли когда-нибудь назад - не знаю, но если так случится, и жизнь подарит мне возможность стать судьей, хочу посвятить всего себя этой миссии и благодарить Бога за дар, мне предложенный.

Десятый день

Зачем тебе ружье и патроны, солдат Константин? Собираешься пристрелить какого-нибудь голубя и приготовить его на обед? С тех пор,

как мы сюда прибыли, я первый раз вижу тебя с Ак-74 в руках. Смотри, не пальни себе в ногу!

Проверяю обмундирование, товарищ Капитан, меня отправляют в бой. Пришлось обить все пороги, чтобы мне выдали разрешение, но в конце концов я добился своего. Поеду со своими на первую линию фронта, больше не буду себя чувствовать трусом, который прячется за бумажной стеной только чтобы избежать опасностей этой войны. Наконец-то увижу бой, лицом к лицу, а не в глазах солдат, которые мне о нем рассказывают. Может там пойму, что происходит на самом деле, получу ответы на вопросы, которые меня мучают с тех пор, как я сюда попал. А может у меня появится еще больше вопросов, но хотя бы сделаю что-то помимо бесполезных рапортов.

Что взбрело тебе в голову, солдат Константин? Положи ружье и возвращайся в штаб, твоя голова слишком ценная, чтобы быть прострелянной пулей какого-нибудь стрелка. У каждого своя битва и не для всех она в траншее. Ты не станешь лучше, если позволишь убить себя как собаку, не станешь даже героем! И уж точно твоя смерть не позволит нам выиграть эту войну. Иди, работай, вдруг нам повезет и кто-нибудь прочтает внимательно твои рапорты, и решит отправить нас всех домой.

Нет у меня дома, товарищ Капитан, и не к кому возвращаться. Наш полк - моя семья, и вы - единственный отец, который у меня когда бы то был. Женщина, которая произвела меня на свет, захлебнулась водкой, когда я был еще ребенком. Я даже не знаю, имени того, кто ее обрюхатил. Имя мне дали в приюте, и для меня оно никогда не имело большого значения. Таких, как я в деревне зовут "никто", мы ничьи дети. У нас нет ни корней, ни будущего, мы просто номер в анаграфе или в списке призывников. Меня не любила ни одна женщина, только секс с пьяными девицами или за небольшую плату в холодных, грязных номерах. Не выношу романтических глупостей, но я бы соврал, если бы сказал, что никогда не мечтал любить и быть любимым, не целоваться у рождественской елки, как показывают в фильмах. Эту радость я не познал, и, скорее всего, никогда не узнаю. Годами я страдал от этого, ощущал себя пылинкой на ветру, но здесь, на войне, я понял две вещи: что вы, мои товарищи, и есть моя семья, и

поскольку другой семьи у меня нет, принять свою жизнь как солдата становится легче. Если меня убьют, никто обо мне не заплачет, никто не станет горевать о моей прерванной жизни. Умирать легко, если не к кому возвращаться.

Говоришь, что жизнь твоя - пылинка на ветру, что никогда не смотрел в лицо любящей тебя женщины? И никто не может вспомнить ни одного счастливого момента разделенного с тобой? Ты станешь телом без имени, покрытом известью в братской могиле, солдат Константин. Закончишь свое существование тем же, с чего начал: никто из ниоткуда и вернешься в никуда по дурацкому приказу какого-нибудь идиота с четырьмя звездами на пагонах, который построит карьеру на твоих костях.

Древние греки поклонялись Афродите, богине любви, жили и умирали во имя нее, но это не для меня. Всю свою жизнь я искал не любовь, но справедливость и вендетту для себя и своего народа. Если завтра в бою меня убьют, принесу свою жизнь в жертву своим подругам Темиде и Немезиде, богиням справедливости и правосудия, уж точно не заплывшим жиром надменным генералам. Так что, товарищ Капитан, не переживайте, что жизнь моя не сложилась так, как я бы хотел, если Бог хочет, я готов расстаться с ней без сожалений. Закрываю дневник, надеюсь, что мне еще представится случай сидеть за этим столом, но если нет, значит все случилось ровно так, как должно было быть. Если в этой жизни я не найду правды, то найду ее в следующей. Храни нас Бог.

Эпилог

Константин, перед тем, как уйти в бой, ты мне дал крепко связанный пакет. Просил сохранить его у себя, потому что больше отдать его некому. Внутри было немного денег, хорошие часы, которые ты купил с первой солдатской получки и дневник. Я открыл его на последней странице, там, где ты его закончил, и с этого места пишу теперь письмо. Война - странная штука, никто не сказал, что если ты и вернешься в тыл, то найдешь меня живым.

Ты лучший из всех моих солдат, Константин, не потому, что выполняешь эту проклятую работу лучше всех, но потому что строг к себе и сознаешь, что делаешь. Во всем, чем ты занимаешься, ты остаешься верен той части себя, в которой больше правоты, и никогда не придаешь свои принципы и идеалы. Ты жил в ужасе, но не прогнал изнутри, и, когда казалось, что солнце уже не выйдет, ты научился смотреть сквозь тьму, и так пробирался к свету. Ты не похож ни на кого из нас, потому что нашел в себе силы сказать много раз “нет” и пробовал остановить эту смертельную ловушку, оставаясь все же самим собой, а мог бы превратиться в зверя. Однажды ты мне сказал, что солдат выполняет приказ старшего по званию, несмотря на то, кто это звание носит, но уважает только человека, достойного этого чувства, а не звание, которое он носит. Я не знаю, достоин ли твоего уважения, Константин, я просто усталый офицер, раскаявшийся, что никогда не противопоставил себя всему этому злу. Я слишком часто отворачивал в сторону свою голову, в то время как Он разменивал ваши жизни на метры завоеванной земли. Говорят, меньше знаешь, лучше спишь, но ты, Константин, не только смотрел во все глаза на то, что происходит вокруг нас, но в конце концов, умудрился и мне их открыть. За это спасибо тебе: за то, что наконец я нашел в себе храбрость посмотреть своим монстрам в лицо и за то, что готов сражаться с ними. Эта война каждый день жаждет все больше молодой крови, и политики ждут не дождутся, чтобы найти волонтеров для жертвенного алтаря во имя великой Родины. Но ты, Константин, не дай им снова этого удовольствия, живи, потому что России для счастья и славы совсем не нужна твоя жизнь. Живи, чтобы увидеть рассвет после этой бесконечной ночи, сдержи свое обещание быть все тем же прекрасным человеком, которым ты являешься. Живи, чтобы состариться и никогда больше не надеть солдатскую форму. Чтобы однажды забыть всю эту мерзость, а может даже и меня, того, кто тебя во все это втянул. Беги быстрее ракет, что летят на нас, стань камнем среди камней, деревом среди деревьев, сделай так, чтобы вражеский патруль тебя не обнаружил, ползи в грязи, копай землю, чтобы пули пролетали высоко над тобой. Не позволяй страху остановить тебя, потому что в бою выживает быстрейший, а не только тот, кто уничтожает других. Живи, Константин, ты должен вернуться домой, чтобы рассказать о нашем поражении или победе. Единственно важное, что ты должен сделать - выжить, чтобы рассказать. Прошу тебя, живи, потому что

сегодня утром, когда я видел тебя, уходящего в лес, когда ты обернулся и помахал, прежде, чем исчезнуть в тумане, я был самым жалким из людей, потому что позволил тебе уйти. С тех пор, когда мы пришли в эту несчастную страну, я несу крест за ваши души, отправленные на убой, я не вынесу тяжести потери еще и твоей души. Ты, кто искал правду и справедливость, сейчас идешь по равнине мертвых, чтобы никогда не найти ни ту, ни другую. Будь прокляты власть имущие всего мира, все, кто отказал тебе и твоему поколению в праве жить. Прости меня, Боже, за все те “нет”, которые я так и не нашел в себе храбрости произнести.